

УДК 94"04/14"

«КАЗАНСКОЕ ВЗЯТИЕ»: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА*

Ш.Ф. Мухамедьяров, профессор, заслуженный деятель науки РТ,**Б.Л. Хамидуллин,** кандидат исторических наук

Безусловно, это событие, независимо от конкретных политических и военных обстоятельств XVI в., послужило поворотным пунктом в исторической судьбе народов Поволжья и всего Российского государства. При этом характер присоединения ханства (*завоевание*) отнюдь не позволяет допуска околонучной политизации и мифологизации данного события. Только взвешенная оценка падения ханской Казани с сугубо научных, объективных позиций будет способствовать росту интереса к общей истории народов России, и в конечном итоге их сплочению, и, несомненно, окажется полезной на современном этапе укрепления межнациональных отношений в государстве...

В 1445 г. правителем зародившегося в недрах Улуса Джучи Казанского государства становится сын золотоордынского хана Улуг-Мухаммада Махмут. По этому поводу в Никоновской летописи написано: «Царь Мамутяк пришед из Курмыша Казань взял, а казанского князя Азя убил, а сам на Казани воцарился, и оттоле нача царство быти казанское». В Воскресенской летописи это событие изложено чуть иначе: «Тое же осени [1445 г.] царь Мамотяк, Улу-Магметов сын, взял город Казань, вотчича казанского князя Либя убил, а сам в Казани сел царствовати». Анонимный автор «Казанской истории» середины XVI в., считавший первым ханом Казани Улуг-Мухаммада, отмечая приход сюда его орды, сделал многозначительное дополнение:

«И рады ему бысть изо оставшихся от плена худые болгары. И молиша его казанцы быти ему заступника бедам их, и помощника от насилия, воевания русскаго, и быти царству строителя».

Казанское ханство занимало большую территорию северной части Золотой Орды. На западе ее границы проходили по реке Сура, на севере достигали Средней Вятки и Камы, на востоке – предгорий Урала, на юге они смыкались с владениями ногайских татар, где-то между Саратовом и Волгоградом. Территория ханства во многих отношениях выгодно отличалась наличием множества полноводных рек, плодородных полей и лугов, богатых лесов и просторных степных пространств на границе с Ногайской Ордой, что создавало удивительное удобство для жизни местного полиэтничного населения, включавшего в себя, наряду с татарами, башкир, марийцев, мордву, удмуртов и чувашей. По сообщению казанского летописца, ханство было «место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и всяцеми земными семяны родимо, и овощи преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодыя много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Русской нашей земли нигдеже таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человеческим», а по мнению князя Андрея Курбского (непосредственного участника завоевания ханства), «понеже в земле той поля великие и зело преизобильныя и гобзующия на всякие плоды; такоже и

* Статья была написана в 2002 году. Публикуется с сокращениями. – Б.Х.

дворы княжат и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойны, и села часты; хлебов же всяких такое там множество, воистину вере ко исповеданию неподобно: аки бы на подобие множества звезд небесных; также и скотов различных стад безчисленное множество, и корыстей драгоценных, наипаче от различных зверей, в той земле бывающих: бо тамо рождаются куны дорогие, и белки и прочия зверия ко одеждам и ко ядению потребные; и мало за тем далее соболей множество, такожде и мехов: не вем, где бы под солнцем больше было».

Детализируя этнический состав населения ханства, князь отметил, что «кроме татарского языка, в том царстве пять различных языков: мордовский, чувашский, черемисский [т.е. марийский], воитецкий, або арский [т.е. удмуртский], пятый башкирский». Очень характерно, что ни один источник периода XIV–XVI вв. не дает нам даже повода говорить о насильственном включении нетатарских народов в состав ханства. По всей видимости, здесь сложился своеобразный добровольный политический союз местного тюркского и финно-угорского населения. Ни один источник периода Казанского ханства не сообщает нам также и о каких-либо проявлениях национально-освободительной борьбы периферийного населения государства против татар. В этом плане интересны мысли русского дворянина Михаила Каратеева (1904–1978), автора исторической трилогии «Русь и Орда» и очерка «Казанское царство»: «Подвластных им народов – черемисов, башкир, чувашей и иных, – татары не притесняли, и поэтому никаких мятежей и восстаний против них тут не было. Наоборот, – все эти народы, по-видимому, были довольны порядком, который установили казанские цари, и поддерживали их в борьбе с внешними врагами». Очевидно, что местное полиэтничное население довольно четко осознавало свою принадлежность к единому политическому целому и признавало это целое своей Родиной, о чем

неоспоримо свидетельствует совместная война за независимость народов Среднего Поволжья в середине XVI в.

Развитыми отраслями хозяйства ханства, несомненно, являлись земледелие, скотоводство, лесные промыслы, рыбная ловля, бортничество, различные виды ремесел (кожевенное, ювелирное, кузнечное, гончарное), большой размах приобрела внутренняя и внешняя торговля. Венецианский путешественник XV в. Иосафат Барбаро писал: «Казань – торговый город; оттуда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Москву, в Польшу, в Пруссию и во Фландрию. Меха получают с севера и северо-востока, из области Дзугатаев и Мордовии». А вот как описывает Казанскую ярмарку автор «Казанской истории»: «На той же день [24.06.1505] съезжахуся в Казань [на Гостинный остров на Волге] изо всея Руския земля богати купцы и многие иноземцы далныя и торговаху с Русью великими драгими товарами».

Довольно высокого уровня в ханстве достигли градостроительство и архитектура. Говоря об архитектуре, в качестве примера приведем современную стихотворную обработку слов казанского летописца, описывающего въезд Ивана IV в завоеванную Казань:

*«...И когда Казань-город очистили,
В нее сам самодержея
наш выехал...
Он приехал на площадь великую,
У царева двора с коня доброго
Соскочил, удивляясь бывшему...
Не напрасно казанцы противились
И сражались со славою до смерти,
Ибо царство сие стоит этого!
И вошел он во двор, в сени царские,
И пошел в златоверхие теремы,
И палаты, любуясь, осматривал,
Хоть была красота их разрушена
От стрельбы непрестанной
от пушечной...».*

Серьезное развитие в период Казанского ханства получила и духовная культура местного населения. На территории государства функционирова-

ли многочисленные начальные и средние школы, высшее учебное заведение в Казани, библиотеки, включая богатое книгохранилище ханского дворца.

Суннитский ислам ханифитского мазхаба, несомненно, играл одну из ключевых ролей в духовной жизни населения страны, так как представлял собою религию государствообразующего народа, политической элиты страны. При этом не менее важно подчеркнуть, что в Казанском ханстве, при главенстве исламской религии, существовала полная веротерпимость, что было связано с традициями, унаследованными от Хазарии, Волжской Булгарии и, конечно же, от Золотой Орды. В самой Казани находился христианский храм – армянская церковь, а большая часть финно-угорского и некоторая часть тюркского населения страны продолжали исповедовать языческие верования предков. Ислам распространялся ненасильственно, добровольно, большей частью в результате усиления этнокультурных контактов внутри полиэтничного государства на пути этнокультурной интеграции.

Организация государства после 1445 г. приобрела некоторые специфические черты. Создался новый слой землевладельцев, который в основном формировался за счет представителей «орды Улуг-Мухаммада». Несомненным доказательством этого служит пребывание в Казанском ханстве золотоордынских родов-кланов Ширин, Барын, Аргын и Кипчак. В административном отношении ханство делилось на Алатскую, Арскую, Атызскую, Галичскую/Якийскую, Крымскую, Ногайскую, Окречскую, Чувашскую даруги и земли «Камскою», «Сыплинскою», «Костятцскою», «Беловолжскою», «Вотяцкою» и «Башкырскою».

Верховная власть в стране принадлежала хану. Однако решения он мог принимать лишь с согласия дивана – совета при хане, состоявшего из наиболее представительных феодалов и высшего духовенства. Наиболее авторитетные члены этого совета носили название «карачи» – смотритель. Для

решения наиважнейших государственных вопросов собирался съезд землевладельцев, военных и духовенства, известный под именем «курултай» или «вся земля Казанская». Вслед за феодальной верхушкой государства шли беки, хакимы, мирзы, огланы, казаки и знать подвластных народов. В целом феодалы, духовенство и чиновничество назывались «ак сояклэр» – *белая кость* или «зур кешелэр» – *большие люди*, в противоположность *черному люду, меньшим людям* («кара халык», «кешелэр»).

Политическая история Казанского ханства была очень многогранной и насыщенной, что подтверждается большим количеством зафиксированных в письменных источниках фактов. Однако, к сожалению, основной корпус этих сведений отражает преимущественно лишь взаимоотношения Казани и Москвы, отчасти – Казани и Ногайской Орды, и очень мало информирует о политике ханства в отношениях с Крымом, Астраханью, Сибирью и Средней Азией. В целом эта тема довольно хорошо исследована в работах Хади Атласи, Михаила Худякова, Саяма Алишева, Дамира Исхакова, Александра Бахтина и других ученых.

Что же нам сообщают письменные, фольклорные источники и историография о завоевании Казани?

«...Великий князь [Иван IV] вновь собрал великую силу и подошел опять к Казани; вел подкопы и взорвал их. Так взял он город, а хана-царя Шигалея [следует читать: Едигера] взял в плен и отдал воинским людям город как добычу. Город был разграблен. Жителей убивали, выволакивали и обнаженные трупы складывали в большие кучи. Затем убитым связывали вместе ноги внизу у щиколоток; брали длинное бревно, насаживали на него трупы ногами и бросали в Волгу по 20, 30, 40 или 50 [трупов] на одном бревне. Так и спускались вниз по реке эти бревна с трупами. Они висели на бревне под водой, и только ноги оттуда, где они были связаны вместе, торчали вверх над бревнами...», – так коротко

и ясно описывал завоевание русскими войсками столицы Казанского ханства немец Генрих Штаден, около 12 лет (1564–1576 гг.) проживший в Московии периода правления Ивана Грозного. Подробное описание «Казанского взятия» имеется и в записках князя Андрея Курбского, и в «Казанской истории», автор которой, вполне возможно, тоже был очевидцем завоевания. А вот как описывает эти события Новгородская летопись, редко цитируемая по данному случаю: «*О Казанском взятии, како взята бысть Казань, бесерменский град, благоверным государем великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси*. В лето 7061, месяца октября во 2 день... Князь же великий скоро посылает ко граду Казани, повелевает отволочити от града Казани снаряд стенобитный, от обоих подкопов больших, пушки единой имя Колцо, а другой имя Ушатая, и огненные пушки и весь снаряд, также и Змей летячей, и Змей свертной и прочий снаряд весь отволокоша. И повеле князь великий знамя развертети. Бе бо на нем образ Господа Бога Спаса нашего, князь же великий государь слезно зряще глаголаше: «Хранителю мой и избавителю наш! Сохрани нас имени твоего ради святого». И тако прекрестив лице свое крестообразно и поиде ко граду, и брат его князь Володимер Одреевич и все воинство... И тако поиде ко граду Казани. Перешед Булак и взыде к горе и ста полком, и повеле в набаты бити и в накры многи, и в сурны играти, и в трубы трубити; яко гром велик возшуме, не бе слышати что глагола друг другу. И став противу Арских ворот, ныне же именуются Спасские, идеже ныне стоит храм Господа Бога нашего Иисуса Христа Нерукотворенного образа, и вскоре посылает к туром князя Михайла Ивановича Воротынского, да велит размыслу Немчину подкоп зажечи в дву местех, и повеле приступити ко граду со всех стран. И абие загореся подкоп в первый час дни в неделю, вырваше стены много во едином месте, и после в другом месте потомуже, и нача метати стрелни и городни и

древеса граднии и с землею, яко до небес меташе, и с людьми, иже бе на граде стояще, готовящиеся к приступу; меташе же людие Казанстии овии во град, иных на иную страну. Егда вырваша подкоп, и в той час учиниша приступ со всех стран, христианстии же людие кликнуша вси единогласно: «О Владыко! Не остави нас, буди помощник». И тако великим звуком приступиша в первый час дни, мню яко земли колебаться от обоих шума и от трескоты деревяного, овии в полы места полезоша, инии же по лестницам, иные же по прислоном, а иные на обломки полезоша; и тако чрез стену скоро взлезоша во град, бьюще по улицам Татар и катун, мужен и жен, по двором, иные же в ямы валячися из мизгитей и с полат, и секуще их и одираху до последния наготы. И тако вскоре, премудраго Бога промышлением, неколико тысящ побиша людей Казанских; и тако, Божию милостию и его крепкою десницею, ни един Татарин Казанцов не возмогоша битися противу людей христианских, бежаша вси градом, и также туто побиша их и прогониша их ко цареву двору. Они же стаха о цареве дворе, хотяще битися, и абие христианстии людие со всех стран множество приидоша, и тако биющеся и секуще их, яко крови их по удолиям течаше и телеса их невместимо по улицам проити, и также по улицам людие на земли лежаху. Людие же Казанские восхотеша о цареве дворе битися, и видевше они окаяннии, что невозможно стати против хрестьянских людей, и абие побегоша с царева двора за град, с стены валяющеся, за Казань за реку к лесу по Галицкой дороге побегоша; и абие ту стояше великого князя правая рука, князь Петр Михайлович Щенятев да князь Андрей Михайлович Курбской и с ними многие люди Московстии, и Ноугородцы, и Псковичи, тех всех людей Казанских на голову побиша, от них мало тех которые на лес утекоша. Во граде же бьяше хрестьянстии людие много множество безчислено княинь, и мурзинных жон, и девок и детей взяша, также рку вско-

ре от великих и до простых людей. И также начаша царя Казанского искасти Аидигеря, по всем странам града: занеже бе его искаху и не обретоша, и в цареве дворе языков много пытающе, не ведяху никтоже его; и абие устремишася Палецкого князь Дмитриевы слуги на левую страну града Казани, идеже зовутся у них Збойливые ворота, ныне же зарушены, и также на стене взяша царя Аидигеря, Касым Салтанова сына, и Астороханского царевича, и вневеды хотяше убити его, и абие ту с ним некии Татарове бяше сказаша о нем, яко царь есть. О предивное чудо и великое Божие милосердие! На толикое малое время, на един час, толико тысящ побили Казанских людей, и царя из града взяша, и царство его плениша...». Так был разрушен один из цветущих центров средневековой татарской цивилизации, так погибли его защитники, героически противостоявшие пятикратно преобладающему числу противника. Драматические события 2 октября 1552 г., а чуть позднее – завоевание русскими войсками другого татарского ханства (Астраханского) положили конец многовековой традиции государственности тюркского населения Поволжья, непрерывно функционировавшей как минимум со времен возникновения Великой Болгарии и Хазарского каганата, то есть с середины VII в.

Вполне естественно, что тема завоевания Казанского ханства нашла серьезное отражение в татарском фольклоре. В качестве примера можно назвать народные предания «Соембикэ»/«Сююмбике», «Патша хэйлэсе»/«Царская хитрость», «Зоя каласы»/«Свияжск», «Иван Грозный ничек Казанга сугыш ачкан»/«Как Иван Грозный начал войну с Казанью», «Казан алынган»/«Завоевание Казани», «Шэрифкол»/«Кул-Шериф» и др.

В предании «Сююмбике» речь идет о якобы первопричине завоевания Казани. Правитель Московского государства влюбляется в царицу Сююмбике и посылает своих послов просить ее вы-

йти за него замуж. Ответом был отказ. На что русский царь восклицает: «Не хочешь миром, возьму войною!»... Второе предание «Царская хитрость» повествует о том, что Иван Грозный, устав воевать с царицей Сююмбике, идет на хитрость: «Дайте мне, – говорит он, – землю размером с бычьей шкурой – прекращу войну». Сююмбике соглашается. Слуги русского царя закалывают быка, а из его шкуры кроют длинную ленту, которой опоясывают огромную территорию ханства, где позднее возводят крепость Свияжск... О поисках же удобного места и о возведении форпоста оккупации Казанского ханства города Свияжска в 1551 г. нам сообщает предание «Свияжск». Легенда «Как Иван Грозный начал войну с Казанью» красноречиво сообщает: Царь Иван целыми днями ломает себе голову, он удручен одной мыслью, как завоевать Казань. Один из приближенных говорит ему: «Пошли меня в Казань, устрою скандал, а ты затем войну начнешь». Понравилось это царю, отправил он слугу в Казань, который по прибытии к татарскому хану попросил земли размером с бычьей шкурой. Хан дал свое письменное разрешение на это. Москвич тут же пошел на базар, скупил все шкуры, скроил их между собой и разложил в самом центре Казани. В результате – скандал, а за скандалом – война. Легенда же «Завоевание Казани» описывает походы Ивана IV на Казань с акцентом, естественно, на поход 1552 г. и ожесточенное сопротивление казанцев, которое на примере сеида Кул-Шерифа по прозвищу «Предводитель святых» («Изгелэр житэкчесе») более подробно изложено в баите «Кул-Шериф»...

Взаимоотношения Казанского ханства и Руси стали предметом серьезного изучения уже начиная с XVII в. («Казанскую историю» в данном случае мы относим в разряд письменных источников). К числу первых исследователей названной проблемы можно отнести А.И.Лызлова, В.Н.Татищева, П.И.Рычкова, М.М.Щербатова, Н.М.Карамзина, К.Ф.Фукса, М.С.Ры-

бушкина, Н.С.Арцыбашева, Н.К.Баженова и некоторых других.

Так, А.И.Лызлов, автор «Истории Скифийской», «прилежными трудами сложенной и написанной лета от Сотворения Света 7200, а от Рождества Христова 1692», уделяет большое внимание русско-татарским взаимоотношениям. У него подробно описываются события, предшествовавшие завоеванию Казани в 1552 г., когда Москва «непрестанно посылала многия воинства воевати Казань и областей ея», и само покорение столицы татарского государства, являвшееся, по мнению автора, наказанием за непрерывные опустошительные набеги татар на русскую землю. Во многом голословное упоминание «непрерывных опустошительных набегов татар», как и мнение, что «казанский юрт от начала наш юрт» (цитируем Ивана Грозного), «Казанское царство и город Казань основаны татарами на земле, Российскому государству принадлежащей» (цитируем Петра Рычкова), перекочевали из русских церковных сводов XV–XVII вв. практически во все дореволюционные издания русских авторов.

Однако мы прекрасно знаем, что историческая наука XVII – первой половины XIX в. оставляла желать лучшего, так как практически еще были неразработанными многие ее направления (в частности, методика анализа и использования письменных источников), а археологические и этнографические изыскания фактически находились лишь в стадии зарождения. Поэтому и выводы упомянутых исследователей, как правило, носили довольно условный характер. Сильна была приверженность трафаретным идеям, заложенным еще составителями русских летописей...

Более серьезное изучение взаимоотношений Казанского ханства и Руси началось только со второй половины XIX в., когда существенно расширился круг введенных в научный оборот источников и значительно усовершенствовалась методология историче-

ских исследований. В первую очередь необходимо назвать С.М.Соловьева. Он восхвалял завоевания Русью восточных от нее земель, считая это показателем прогресса, и отмечал, что русская колонизация способствовала поступательному развитию экономики Руси и распространению «европейской, христианской цивилизации» на «магометанский» Восток. Н.И.Костомаров тоже считал «покорение татарской расы славянскою, присоединение к себе ее территорий» «первым условием возможности благоденствия и процветания Руси». Так, к примеру, существование Крымского ханства, по мнению этого ученого, «было одной из главнейших причин медленности расселения русского народа на огромном материке». Такой же точки зрения придерживался и автор книги «Поволжье в XV и XVI вв.» Г.И.Перетяткович. В его работе дается большое количество интересной информации об этнокультурных и внутриполитических процессах в Казанском ханстве. Основными причинами падения Казани Г.И.Перетяткович считал слабость внутреннего политического устройства ханства и этноконфессиональную пестроту его населения.

В XIX в. появились и первые серьезные работы татарских историков, исследовавших различные стороны русско-татарских взаимоотношений и конкретно «Казанского взятия». В первую очередь, это труды Шигабутдина Марджани, Хусаина Фаизханова, Каюма Насыри. В начале XX в. появились труды Мурада Рамзи, Гайнетдина Ахмерова, Хади Атласи, комплекс статей в журнале «Шура» Ризаэтдина Фахретдина и ряда других авторов. Естественно, работы этих ученых в какой-то мере ставили заслон субъективной великорусской идеологии в освещении фактов истории татар и Среднего Поволжья. Фактически их публикации оказались гораздо более объективны и научны, так как в них использовалась вся совокупность и русских, и татарских источников с соответствующим

критическим анализом. Примечательно, что татарские авторы всегда уделяли пристальное внимание внутреннему расколу татар не только Казанского ханства, но и всего содружества постзолотоордынских татарских ханств, который и привел некогда процветавшее татарское общество к печальному результату. В то же время колониальная политика Москвы оценивалась ими всегда однозначно отрицательно.

В первые годы после революции свет увидели интересные работы Н.В.Никольского и Н.Н.Фирсова. Определенный социальный заказ предопределил то, что в этих книгах серьезное внимание было уделено именно завоеванию Казани и войне за независимость народов Поволжья в середине XVI в. Ученые правильно подметили сугубо экономическую сторону проблемы – стремление Ивана IV установить контроль над Великим волжским путем, о чем наглядно свидетельствовало и осуществленное в 1556 г. завоевание Астрахани. Острую нехватку земель и рабочей силы в Московском государстве XVI в. и вытекающие из этого «последствия» отметил М.Н.Покровский. Он выступил с резким осуждением реакционной завоевательной и национально-колониальной политики русских правителей и назвал Россию «тюрьмой народов». Основываясь на сведениях источников, ученый отверг агрессивный характер развития Казанского ханства и назвал войну народов Среднего Поволжья против Ивана Грозного «народной войной за независимость». Последователи взглядов М.Н.Покровского критиковали дореволюционную русскую историографию за тенденциозность и «патриотический фанатизм, который доводит изложение фактов до карикатурного искажения».

Первым серьезным послереволюционным татарским исследователем, в чьих трудах нашло отражение завоевание Казани, следует назвать Газиза Губайдуллина. В нескольких своих работах (монография «Татар тарихы»/«История татар», 1922,

1924, 1925; статья «Идел буе очен корэш тарихыннан»/«Из истории борьбы за Поволжье», 1923) он довольно тщательно проанализировал развитие политической ситуации в Среднем Поволжье в XV–XVI вв. В работу «Татар тарихы» автором были даже включены два раздела под характерными названиями «Идел буендагы татар дэулэт-лэренен инкыйразы»/«Исчезновение татарских государств Поволжья» и «Идел очен сонгы корэш»/«Последняя битва за Волгу». Здесь он обстоятельно рассматривает московскую политику «разделяй и властвуй» по отношению к постзолотоордынским татарским ханствам, раскрывает причины их падения (в том числе внутренние), экономические мотивы агрессии Москвы и т.д. По мнению историка, исход событий был предрешен заранее, так как население Казанского ханства не воспринимало территорию этого государства своей единственной и настоящей Родиной.

В историографии истории Казанского государства особое место занимают «Очерки по истории Казанского ханства» 1923 г. издания, написанные М.Г.Худяковым. Книга явила собой значительный шаг вперед в изучении истории ханства и казанско-московских взаимоотношений. Впервые читатель получил систематизированный материал по истории государства казанских татар. Ее появление было даже отмечено официальной правительственной газетой «Известия ТЦИК», которая писала: «Это книга, которой недоставало. Татарская республика должна иметь историю того государственного союза, из которого она вышла через длинный период тяжелой зависимости от другого государственного союза». Учитывая тот факт, что многие прекрасно знакомы с работой Михаила Георгиевича, мы приведем здесь всего несколько небольших цитат из нее, которые во всей полноте отражают точку зрения этого незаурядного русского ученого.

Завоевательная политика Руси.
«До конца 1540-х гг. русская поли-

тика по отношению к Казанскому ханству не имела территориально-завоевательного характера. В конце 1540-х гг. совершается перелом, и русское правительство приходит к мысли о территориальном завоевании Казанского ханства, о включении его в состав Русского государства. Соответственно этому, изменяется вся схема русско-казанских взаимоотношений, и для русских начинается настоящая завоевательная, империалистическая война»; «завоевательная политика была результатом совпадения интересов дворян-помещиков, духовенства и торгово-промышленного капитала». *Последствия завоевания Казани.* «Чудовищное избиение жителей взятой Казани составляет одну из самых тяжелых страниц русской истории. Такою колоссальною гекатомбою человеческих жертв закончился «крестовый поход» христоролюбивого воинства Русского государства на путь территориальных завоеваний. Кроме огромного количества человеческих жизней, насильственно унесенных в могилу, кроме бесчисленных слез, страданий и горя, пережитых казанским народом, печальный день 2 октября знаменовал собою гибель материального благосостояния, накопленного целыми поколениями, и утрату культурно-бытовых ценностей, которые теперь были безжалостно извлечены из укромных уголков, где они бережно сохранялись, без сожаления были изломаны, изуродованы, потеряны, уничтожены. Тысячи драгоценностей, ювелирных украшений, тканей, произведений высоко-го мастерства и искусства безвозвратно погибли. Богатству народа был нанесен страшный удар, от которого он едва ли мог бы оправиться»...

Начиная с середины 1930-х гг., в советской историографии вновь начали ощущаться великодержавные нотки изложения истории, присущие до-революционным историкам. В первую очередь, это было связано с политикой укрепления центральной власти при И.В.Сталине, во вторую – с необходи-

мостью противостоять «здоровым национализмом» угрозе нацистской Германии, в третью очередь – с закрепившимся в годы войны 1941–1945 гг. стереотипом о «русском народе – освободителе». Именно итоги Великой Отечественной войны явились сильнейшим толчком к очередному пересмотру российской истории. Стал возмечиваться образ русских великих князей и царей, в частности Ивана Грозного, переосмысливались содержание и сама необходимость гипотезы о завоеваниях Руси–России, как «наименьшем зле», научная историческая терминология «обогадилась» термином «расширение», используемом при описании завоеваний Руси–России. Так, завоевание Казани Иваном Грозным называлось «одним из важнейших средств укрепления и дальнейшего развития русского национально-го государства» и «начальным этапом становления многонационального централизованного Российского государства». В частности, в одном из выступлений И.И.Смирнов говорил: «Актуальность восточного вопроса во внешней политике Московского государства определяется фактом наличия системы татарских государств, возникших на развалинах Золотой Орды и стремившихся к гегемонии в Восточной Европе... Стремясь не допустить разгрома Казанского ханства, Турция активно вмешивается в казанский вопрос и выступает в роли организатора коалиции турецко-татарских ханств против Московского государства... Разгром Казанского и Астраханского ханств Московским государством является относительно прогрессивным явлением в двояком отношении: а) он укреплял политическую независимость русского национального государства, устранял угрозу воссоздания турецко-татарской гегемонии на востоке Европы... б) включение народов Поволжья в состав Московского многонационального государства – меньшее зло, чем существование их в Казанском ханстве, с точки зрения исторических перспектив»... Все эти идеи

настойчиво внедрялись в сознание советских людей не только посредством печатной продукции, но и через такие виды массового искусства, как кино и т.п.

Говоря в целом об историографии завоевания Казани 1950–1980-х гг., хотелось бы выделить работы К.В. Базилевича, С.О.Шмидта, Г.Д. Бурдея, И.И.Смирнова, А.А.Зими́на, И.Б. Грекова, А.М.Сахарова, М.Н. Тихомирова и Р.Г.Скрынникова. Искренне уважаемый нами Михаил Николаевич Тихомиров, смело выступивший в 1946 г. на московской сессии по проблемам этногенеза казанских татар с поддержкой золотоордынской составляющей истории последних, против агрессивного булгаризма, явился также одним из тех, кто ввел в научный оборот довольно противоречивый и странный тезис о «добровольном вхождении народов Поволжья и Приуралья в состав России». Так, в 1950 г. в докладе на сессии по проблемам истории чувашского народа, а также на страницах «Советской этнографии» он конкретно отмечал факт «добровольного присоединения Чувашии к России», что якобы означало «спасение от грабительских казанских набегов» и «возможное облегчение повинностей и ясака». Наиболее агрессивную позицию в оценке событий 1552 г. занял некий К.Я.Наякшин, чье письмо «К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России» было опубликовано в №9 журнала «Вопросы истории» за 1951 г. Именно его перу принадлежат такие «сенсационные открытия», цитируем: «Борьба в Поволжье была, прежде всего, борьбой против султанской Турции и ее крымско-казанских и астраханских холопов»; «Основные массы населения Казанского ханства испытывали тяжелый гнет со стороны золотоордынских ханов. Этот гнет особенно усилился с середины XV в., когда Казань заняли отряды хана Улу-Махомеда... Основные массы населения Казанского ханства с ненавистью относились к своим золотоордынским поработителям. Перед населени-

ем Среднего Поволжья, находившимся под ярмом феодалов, – выходцев из Золотой Орды, – стояла прямая угроза оказаться под властью турецкого султана»; «Игнорировать турецкую опасность было непозволительно»; «Ясно, что присоединение народов Поволжья к России было, по существу, единственным выходом, единственным средством спасения для них»...

Оригинальностью и смелостью мысли в названный «доперестроечный период» отличался довольно узкий круг ученых. В качестве одного из них можно назвать М.Г.Сафаргалиева, который в 1964 г. в статье «Присоединение мордвы к Русскому централизованному государству» поставил под сомнение тезис о турецкой опасности. В 1970 г. в своем выступлении в стенах Института языка, литературы и истории Казанского научного центра Академии наук СССР С.Х.Алишев (в то время – кандидат исторических наук) обратил внимание на тенденциозность трактовки завоевания Среднего Поволжья, как чуть ли не «добровольного присоединения». Позднее эти же мысли были им изложены в 1975 г. в статье «Присоединение народов Среднего Поволжья к Русскому государству», изданной в составе сборника «Татария в прошлом и настоящем».

Процессы демократизации общества, затронувшие страну в процессе распада СССР, значительно усилили интерес ученых к ранее табуированным проблемам. В русле нашей темы в качестве примера можно назвать научные публикации С.Х.Алишева, Р.Г.Фахрутдинова, И.Р.Тагирова, И.Л.Измайлова и материалы научной конференции «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации» (Казань, 7–8.06.2002), объективно отражающие события середины XVI в.

Актуальность изучения истории Казанского ханства заключается в том, что оно стало после распада Золотой Орды национальным государством казанских татар, созданным ныне существующим татарским народом, а не

его этническими предками, и возникло в системе целого созвездия татарских государств. Наряду с Казанским ханством, в рамках Астраханского, Касимовского, Крымского и Сибирского ханств, Большой и Ногайской орд шло, до поры до времени, формирование по существу самостоятельных татарских этнополитических общностей, которые сохраняли между собою обширные и довольно тесные не только политические, но и этнокультурные контакты. При этом единство происхождения всех этих общностей, имевших и сохраняющих ныне этноним «татары», восходит именно к этносу средневековых татар, сложившихся в рамках Золотой Орды. Определение значения клановой структуры постзолотоордынских татарских государств позволило конкретно описать единство феодального класса во всех этих политических общностях.

В связи с этим надо обратить внимание и на такой немаловажный аспект: Татарстан в системе Российской Федерации является единственным субъектом, коренное население

которого еще на заре русской истории не только имело несколько государств, но и активно было вовлечено в административное и политическое строительство Российской империи. Даже сам процесс инкорпорации Казанского ханства и других татарских государств в состав России не имеет аналогов в мире по своим историческим последствиям. Достаточно обратить внимание на герб Российского государства, три короны которого над двуглавым орлом символизируют Казанское, Астраханское и Сибирское ханства. Как писал князь Н.С.Трубецкой, «Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири».

Сегодня Республика Татарстан представляет собою единственный политически организованный центр татар в мире, единственную государственность современных татар. К Казани закономерно тяготеют татары всего мира. И очень отрадно, что потомки некогда противостоявших друг другу этносов живут ныне в мире и взаимопонимании...

Аннотация

В статье рассматривается история Казанского ханства, взаимоотношения Казани и Москвы в XV–XVI вв., источниковедение и историография этих научных тем. Актуальность изучения истории Казанского ханства заключается в том, что оно стало после распада Золотой Орды национальным государством казанских татар, созданным ныне существующим татарским народом, а не его этническими предками, и возникло в системе целого созвездия татарских государств.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Казанское ханство, татары, русские, источники, историография, Иван Грозный, завоевание, демократизация общества, мир и взаимопонимание.

Summary

The article deals with the history of the Kazan Khanate, relationship between Kazan and Moscow in the XV–XVI centuries, historiography of these research topics. The urgency of studying the history of the Kazan Khanate can be explained by the fact that after the collapse of the Golden Horde it became the national state of the Kazan Tatars created by the existing Tatar people, not by the ethnic ancestors, and emerged in the system of constellation Tatar states.

Keywords: Middle Volga, Kazan Khanate, Tatars, Russian, sources, historiography, Ivan the Terrible, the conquest, democratization of the society, peace and understanding.